

4. Павлова Е.М. Использование компонентного анализа и данных синтагматики при определении структуры лексико-семантических групп / Е.М. Павлова // Уровни лингвистического анализа в синхронии и диахронии. – Л., 1986. – С. 67–74.
5. Хромов С.П. Метеорологический словарь / С.П. Хромов, Л.И. Мамонтова. – Ленинград : Гидрометеоздат, 1974. – 568 с.
6. Kotliakov V.M. Elsevier's Dictionary of Geography: in English, Russian, French, Spanish and German / V.M. Kotliakov, A.I. Komarova. – Elsevier Publishing Company, Amsterdam, London, New York, 2007. – 1073 p.
7. Meyer Ch. F. Introducing English Linguistics / Ch. F. Meyer. – Cambridge University Press, 2009. – 259 p.

А.Ф. Доля. Семантические особенности наименований оптических явлений природы в английском, немецком, испанском, украинском и русском языках. – Статья.

Аннотация. В статье рассматриваются семантические особенности наименований оптических явлений природы в английском, немецком, испанском, украинском и русском языках. Устанавливаются количественный и качественный состав исследуемой группы лексем, приводятся основные типы метафорических и метонимических переносов.

Ключевые слова: семантика, лексическая единица, оптическое явление природы, лексико-семантическая группа, лексико-семантический вариант, метонимический перенос, метафорический перенос.

Anna F. Dolia. Semantic Peculiarities of Names of Optical Natural Phenomena in English, German, Spanish, Ukrainian and Russian. – Article.

Summary. This paper focuses on the semantic peculiarities of the names of optical natural phenomena in English, German, Spanish, Ukrainian and Russian. The quantitative and qualitative characteristics of the lexemes under consideration have been singled out, main types of metonymic and metaphoric transfers are provided.

Key words: semantics, lexical unit, optical natural phenomenon, lexical and semantic group, lexical and semantic variant, metonymic transfer, metaphoric transfer.

УДК 811.163.1

А.И. Изотов,

доктор филологических наук, профессор,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

г. Москва, Российская Федерация

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТУРГИИ, ИЛИ ВСПОМИНАЯ «ТРОЯЗЫЧНУЮ ЕРЕСЬ»

Аннотация. Статья посвящена опровержению мифа о том, что использующийся в современной литургии церковнославянский язык выполняет эту свою функцию хуже, чем её выполнял древнецерковнославянский язык тысячу лет назад, а также мифа о том, что противниками перевода литургии с сакрального на повседневный язык руководили и руководят сугубо эгоистические соображения.

Ключевые слова: церковнославянский язык, сакральный текст, «троязычная ересь», литургия, проблемы перевода.

Светлой памяти профессора Иржи Марвана (1936-2016)

In memoriam prof. George Marvan (1936-2016)

1. Одиннадцать с половиной веков назад братья Константин и Мефодий отстаивали право вести богослужение на понятном народу «славянском» языке в спорах с «троязычниками», считающими, что лишь три языка (др.-еврейский, др.-греческий, латинский, на которых, в соответствии с евангелиями, была сделана надпись «Иисус из Назарета, Царь Иудейский» над распятым Христом: ישוע הנצרי מלך היהודים, Ἰησοῦς ὁ Ναζωραῖος ὁ Βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων, Iesvs Nazarens Rex Iudaeorum) достойны того, чтобы на них славилось имя Божие. Сегодня же, как может показаться на первый

взгляд, ситуация парадоксальным образом изменилась: теперь уже против перевода богослужения на «живой» язык (например, на современный русский) возражают как раз сторонники «славянского» языка. Чтобы показать мнимый характер данного парадокса, рассмотрим два устойчивых мифа.

1.1. Во-первых, это миф о том, что противниками перевода сакрального текста на «язык народа» всегда руководило и руководит стремление не допустить того, чтобы «простые люди» смогли приобщаться к Божественной премудрости, ср., например, упоминание о переводах библейских текстов, выполненных Ф. Скориной, которые отличались «понятным народу языком, а потому были отвергнуты высшими церковными авторитетами и царем» [8, с. 96].

1.2. Во-вторых, это миф о том, что церковнославянский язык, первоначально воспринимаемый православными славянами «как неотъемлемая часть родного языка, <...> превратился [к 17-му веку, судя по упоминаемому в том же абзаце царе Михаиле Фёдоровиче. – А.И.] в непонятную для народа "православную латынь", то есть стал, подобно западной латыни, исключительной собственностью клира или, отчасти, других правящих сословий» [8, с. 165].

2. Мы начнем с первого мифа, поскольку он имеет более универсальный характер, затрагивая не только «славянский», но и любой «священный» язык – латынь, греческий, арабский, санскрит и т.д.

2.1. Каждому читавшему или слушавшему курс теории перевода известно, что в целом ряде случаев точный перевод невозможен из-за асимметрии грамматических и лексических систем языка оригинала и языка перевода, различий стилистических и коннотативных потенциалов соотносимых единиц, случаев полисемии и семантической недифференцированности, наличия безэквивалентной лексики и т.д., так что переводчику постоянно приходится прибегать к тем или иным ухищрениям, чтобы хоть как-то компенсировать неизбежную потерю смысла. Но как быть со священным текстом, при переводе которого эта неизбежная трансформация смысла может стать роковой? Приведу пример:

2.2. Самой важной молитвой для христианина по определению является Молитва Господня, греческий вариант которой завершается строкой *Και μη εισενέγκης ημάς εις πειρασμόν, αλλά ρύσαι ημάς από του πονηρού*. По свидетельству известной переводчицы с др.-греческого языка О.В. Смыки (в частной беседе) в греческом койне евангельских времен важным значением последнего слова данной молитвы было значение «ошибка пахаря, когда плуг сворачивает в сторону и портит борозду». Иначе говоря, Спаситель велел нам молиться о том, чтобы мы «не испортили своей борозды», «не свернули с прямого пути», не совершили роковой ошибки (мерзости, низости, злодеяния). Примечательно, что с подобной интерпретацией созвучен и шестой аят Аль-Фатихи – первой суры Корана, которая читается в каждом ракаате намаза (*اهْدِنَا الصِّرَاطَ الْمُسْتَقِيمَ* ‘веди нас прямым путём’). Надо ли говорить, что многие наши соотечественники понимают последнее слово фразы *...но избáви насъ от лукаваго* персонифицированно, что существеннейшим образом меняет смысл молитвы.

2.3. Во времена Константина и Мефодия по отношению к возможности перевода Священного писания на народный язык не было единого мнения. С одной стороны, польза церковной проповеди на понятном для простого народа языке была очевидна (особенно если речь шла о новообращенном народе, который надо было окончательно вырвать из пут язычества). С другой стороны, существовали вполне обоснованные опасения, что не обладающий специальной теологической подготовкой человек может неправильно истолковать те или иные строки Писания, а если этот человек обладает пламенной верой, то его невольные заблуждения могут дорого стоить и ему, и другим – вспомним религиозную нетерпимость и костры средневековья, которые в протестантской Женеве горели не менее жарко, чем в католической Испании. Поэтому хотя на ряде западных синодов (франкфуртский 794 года, аахенский 802 года, майнцкий 813 года) «троязычие» было осуждено, [см. 4, с. 130], споры вокруг него не утихали. В дальнейшем всё в конечном итоге зависело от решения местного монарха. Например, если во Франции после расправы над еретиками-альбигойцами (в 1209 папа Иннокентий III призывает к крестовому походу против них, в результате чего весь юг Франции оказывается залитым кровью) вводится запрет на перевод Писания на «мирской» язык, в Чехии, которая была в те времена прочнейшим образом интегрирована в Европу

(чешский король был одним из курфюрстов Священной Римской империи – тех, кто избирал императора) уже в 1370 году появляется полный перевод Библии на чешский язык (так называемая Дрезденская Библия), в последующие несколько десятилетий – дальнейшие переводы, например, Оломоуцская Библия, Литомержицкая Библия и т.д., см. [7]. В соответствии с решением Тридентского собора (1545-1563), «чтение Б.[иблии] на народном языке может быть дозволено только тем, кто вполне укрепился в вере, так как, по мнению членов собора, это чтение может быть более опасным, чем полезным» [3, с. 326].

Итак, у противников перевода богослужения с уже освященного традицией языка на язык, такой традицией не освященный, могут быть иные, кроме сугубо эгоистических, мотивы.

3. Не выдерживает обращения к реальности и утверждение о том, что «славянский» язык был жителям Киевской Руси X-XI веков (когда он здесь появился) более понятен, чем сегодняшней церковнославянской язык жителям Украины, России или Белоруссии.

3.1. Начнем с того, что к XI-му веку праславянский язык уже успел распасться на отдельные диалекты, так что солунские славяне, язык которых был знаком братьям, говорили уже не вполне так, как говорили славяне Киевской Руси. При этом помимо весьма существенных различий в фонетике (рефлексы *tj и *dj, l-epentheticum на стыке морфем, первого и второго славянского ѣ, носовых гласных, сочетаний *ort-/*olt-, *tort-/*tolt-, *tьrt-/*tьlt-, мягких и полумягких согласных, сверхкратких гласных и т.д. см. [1, с. 55–70]), которые уже сами по себе способны затруднить восприятие, логично предположить и немалые различия в словарном составе, так что предложения со словами типа *катапетазма* (ср. катапетазма црковънаѣ • раздъра сѧ • съ вышьнѣго краѣ • до нижнѣбаго • на дѣвое [5, с. 282]), вполне понятные, видимо, жившим в греческом окружении солунским славянам, для тогдашних киевлян могли звучать так же странно, как для киевлян сегодняшних звучат приписываемые канадским украинцам фразы типа *Петро, зачини виндовку / дору, бо чилдринята зафризнуть*.

3.2. Далее, старославянский язык, который мы вслед за профессором Венского университета и председателем комиссии по церковнославянскому языку Международного комитета славистов академиком Ф.М. Марешом († 1994) рассматриваем как «древнецерковнославянский язык», то есть древнейшую форму существования церковнославянского (= «славянского») языка, в соответствии с отечественной традицией принято определять как язык славянских переводов богослужебных текстов с греческого, выполненных в IX веке святыми равноапостольными братьями Константином (Кириллом) и Мефодием, а также их учениками, см. [1, с. 7–11]. Однако никакого «языка старых славян» в IX веке не существовало, братьям приходилось, по ходу перевода, **создавать** этот язык, приписывая словам и выражениям обиходно-повседневной сферы общения (а другой тогда у солунских славян и быть не могло), основываясь на греческих образцах, значения более абстрактные (πνέω > πνεῦμα > ἄγιον πνεῦμα; доунѣти > доухъ > свать доухъ), заимствуя из греческого языка модели словообразования и синтаксические конструкции, в том числе конструкции, совершенно чуждые славянским говорам, ср., например, весьма распространенный в старославянских текстах оборот «дательный самостоятельный».

3.3. И, наконец, самое главное: для адекватного понимания текста знаний грамматики и лексики, то есть знаний чисто языковых, иногда оказывается недостаточно. Необходимо также иметь представление о стоящих за текстом историко-культурных феноменах. Например, поможет ли Гугл-переводчик французу или немцу правильно понять реплику центрального персонажа сериала «Останній москаль» (*Дядя Вань, твоя фамилия случайно не Сусанин, а?*), смысл которой очевиден для тех, для кого данный сериал снимался. При этом чем сложнее текст, тем больший объем историко-культурных знаний требуется для адекватного понимания данного текста: все ли выпускники московских школ смогут внятно объяснить, почему трактирщик из «Преступления и наказания» переходит в середине реплики с «тыканья» на «выканье» (*А для ча не работаешь, для ча не служите, коли чиновник?*) или что такое «вино кометы» из «Евгения Онегина»? Что же удивительного в том, что наш соотечественник, впервые придя в церковь, чего-то не понимает? Дело не в «славянском» языке, а в том огромном пласте историко-культурных знаний, который стоит за церковным обрядом

и который, увы, многим представителям современной постмодернистской культуры оказывается недостаточно знакомым. Однако очевидно, что для язычника XI века этот пласт был непонятным в значительно большей степени, чем для нашего современника, который, будь он даже атеистом или агностиком, тем не менее является продуктом европейской культуры, в своей основе прежде всего христианской (при всей важности иудейского, исламского и скандинавского элементов).

3.4. Сближались и сами языки (язык богослужения и язык народа), причем процесс был двусторонним. Церковнославянский язык приспособлялся (сначала чисто фонетически, а потом и грамматически) к языку восточных славян, ср. старославянские (=древнецерковнославянские) тексты кирилло-мефодиевского периода с соотносимыми текстами Острожской Библии, Московской Библии и Елизаветинской Библии, благо они доступны в Интернете, см. например, ресурс <http://joymylife.org.ua/>. Но при этом и «народный» язык век от века напитывался церковнославянскими элементами, какие мы без труда находим и в староукраинском Пересопницком евангелии, и в старобелорусских изданиях Фр. Скорины. Что же касается русского языка, то он впитал в себя столько церковнославянских элементов, что способен выглядеть потомком «древнеболгарского» (как называют «славянский» язык Константина и Мефодия некоторые исследователи, см. [1, с. 11]) ничуть не меньше, чем его прямой потомок – современный болгарский язык, ср. содержащие Молитву Господню фрагменты Мариинского евангелия (в кириллической транслитерации, поэтому буква ѣ стоит и в позиции «аз йотированного»), русского Синодального перевода и современного болгарского перевода (<http://www.magister.msk.ru/library/bible/blgarska/>):

^{6:9} Тако оубо молитѣ вы са • ѡтъче нашъ иже си на нб̄схъ да свѣт са има твоѣ • ^{6:10} да придѣтъ ц̄р̄ствіе твоѣ • да бодѣтъ волѣ твоѣ ѣко на н̄бси и на зѣми • ^{6:11} хлѣбъ нашъ наставъшааго днѣс даждь намъ днѣсѣ • ^{6:12} і отъпости намъ длъгы наша ѣко и мы отъпоуштаѣмъ длъжьникомъ нашимъ • ^{6:13} і не въведи насъ въ напастъ • нъ избави ны отъ неприѣзни • ѣко твоѣ естъ ц̄р̄ствіе • і сила и слава въ вѣкы аминь.

^{6:9} Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; ^{6:10} Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; ^{6:11} Хлеб наш насущный дай нам на сей день; ^{6:12} И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; ^{6:13} И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

^{6:9} А молете се тъй: Отче наш, Който си на небесата! Да се свети Твоето име; ^{6:10} да дойде Твоето царство; да бѣде Твоята воля, както на небето, тъй и на земята; ^{6:11} насыщния ни хляб дай ни днес; ^{6:12} и прости нам дълговете ни, както и ние прощаваме на длъжниците си; ^{6:13} и не въведи нас в изкушение, но избави ни от лукавия; защото Твое е царството, и силата, и славата вовеки. Амин.

Несколько упрощая ситуацию, историю взаимоотношений «славянского» и русского языков можно представить, как нам представляется, следующим образом: «Славянский» язык с самого начала и до сегодняшнего дня исправно выполнял и продолжает выполнять свою основную функцию – средства молитвенного общения человека с Создателем, попутно выполняя ряд иных функций письменного языка, из которых его постепенно вытеснял формирующийся древнерусский (а затем просто русский) язык, который приобрел более или менее современный вид к концу первой трети XIX века, когда гений Пушкина синтезировал «славено-росский» язык так называемых архаистов и «галло-росский» язык карамзинистов. Не случайно «гимназическая программа 1877 года не разделяет преподавание русского и церковнославянского языков», см. [2, с. 32].

Основатель так называемой «кондициональной лингвистики» А.В. Исаченко, размышлявший, в частности, о том, как бы мог выглядеть современный русский язык, если бы в нем восторжествовала церковнославянская норма, предложил когда-то следующий образец подобного не осуществившегося русского языка:

Автомобилю же въ гаражѣ сущу, разнервничахса вельми и отъидохъ остановицѣ трамваѣ. Ни единому же приходящу, призвахъ таксомоторъ и влѣзше отвезень быхъ, аможе нужду имѣяхъ [6, с. 9].

3.5. В результате церковнославянский язык современной литургии достаточно близок современному русскому, украинскому и белорусскому языкам, чтобы быть понятным самым широким мас-

сам верующих без тех усилий, которые затрачивают, например, на изучение арабского языка крымские или волжские татары (изучение арабского текста Корана входит в обязанности каждого мусульманина), в то же время он достаточно отдален от них, чтобы предотвратить смешение сакрального и профанного дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изотов А.И. Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. – 200 с.
2. Кравецкий А.Г., Плетнёва А.А. История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX век) / Отв. ред. А.М. Молдован. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 400 с.
3. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том 1. – СПб.: Издательство П.П. Сойкина, [s.a.]. – 1120 с.
4. Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и ком. Б.Н. Флори. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
5. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. – М.: Русский язык, 1994. – 842 с.
6. Florilegium in honorem Alexandri Isačenko: Ad iubulaeum centenarium oblatum / Eds. A. Eliáš, E. Matejko. – Bratislava, 2011. – 131 s.
7. Staročeská Bible Drážďanská a Olomoucká s částmi Bible Litoměřicko-třeboňské. Kritické vydání nejstaršího českého překladu bible ze 14. století / Vydal V. Kyas. – Praha: Academia, 1985. – 440 s.
8. Marvan J. Jazyk, jeho český případ. Prvních tisíc let: 800-1800. – Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015. – 456 s.

А.И. Изотов. Церковнослов'янська мова в літургії, чи згадуючи «трьохмовну єресь». – Стаття.

Анотація. У статті розглянуто два міфи: міф про незрозумілість сучасної церковнослов'янської мови для віруючих порівняно з давньоцерковнослов'янською мовою та міф про егоїстичну мотивацію противників перекладу сакрального тексту на “просту” мову. Автор намагається ці два міфи спростувати.

Ключові слова: церковнослов'янська мова, сакральний текст, літургія, «трьохмовна єресь», проблеми перекладу.

Andrey I. Izotov. Church Slavonic in Modern Liturgy, or Remembering “Trilingual Heresy”. – Article.

Summary. The present article attempts to disprove two popular myths: A myth about incomprehensibility of Modern Church Slavonic to believers in comparison with Old Church Slavonic and a myth about presumably wicked motivations of those who object to translating sacred texts into vernacular.

Key words: Church Slavonic, sacral text, «trilingual heresy», liturgy, translation problems.

УДК 811.111:659.1:314.93

Ю. Кольцова,

аспирантка кафедри германських і східних мов,
Международный гуманитарный университет,
г. Одесса, Україна

ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ

Анотація. В статті представлені результати аналізу китайських, пакистанських і тайських печатних рекламних текстів дослідниками цих етнічних груп в США. Рекламні оголошення проаналізовані на рівні лексики, морфології і синтаксису, а також дискурсу. Затронуті питання етнічної і гендерної приналежності адресатів і адресантів рекламних оголошень.

Ключевые слова: английский язык, гендер, коммуникация, печатные средства информации, реклама, потребитель, этнические группы.